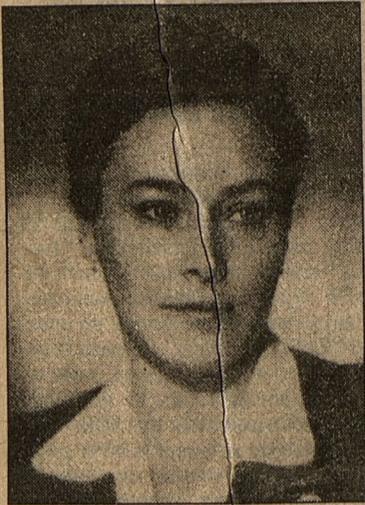

Счастье выбранного пути

Исполнилось 65 лет

служения в Московском художественном театре одной из старейших актрис сегодняшнего российского театра Софьи Станиславовны Пилявской.

Она сыграла много ролей и в кино, а с 1954 года воспитывает молодых актеров в Школе-студии МХАТ.

Софья Станиславовна Пилявская.

Софья Станиславовна Пилявская была принята во МХАТ в 1931 году в двадцатилетнем возрасте, так что нынешний год для нее вдвойне юбилейный, и я, присоединяя поздравление к множеству до меня прозвучавших, пытаюсь этими заметками благодарно откликнуться на долгую "жизнь в искусстве" (выражение К.С.Станиславского) актрисы, игравшей еще с первым поколением "стариков" МХАТа (и учившейся у них).

Впервые я увидел Софью Станиславовну на сцене МХАТа в конце 44-го года, когда подростком стал постоянным посетителем спектаклей этого театра (это были благословенные времена: чтобы купить утром билеты, надо было очередь занимать с вечера). Смотрел я, пристроившись на ступеньках бельэтажа (право занимать эти "места" давали самые дешевые билеты). Помню мое ошеломление красотой актрисы Пилявской. Красотой и еще некими внутренними качествами, которые я ощущал, впитывал, но по молодости определить не умел.

И вот сейчас на моем столе книга воспоминаний Софьи Станиславовны "По долгу памяти" (М., Изд. ГИТИС, 1993). Среди множества интереснейших людей, которые встретились автору, был и М.А.Булгаков. *"Мы полюбили его юмор без улыбки. Его бескомпромиссность в суждениях, его строгий вкус и душевную деликатность"*. Так ведь это и есть те самые качества, которые, наряду с красотой актрисы, произвели на меня тогда, пятьдесят лет тому назад, такое впечатление!

В жизни Софьи Станиславовны при советской власти было много тяжелого и даже трагического. Не затрагивая этого пласта воспоминаний, хочу лишь подчеркнуть, что она неизменно пишет обо всем конкретно, лично и персонально.

Многие годы дружбы связывали Софью Станиславовну с А.Фадеевым, человеком, участвовавшим в "большой политике" и, как известно, вызывавшим к себе самое разное отношение. Автор подводит итог: *"До конца дней я буду благодарна судьбе за радость и честь дружбы с Александром Фадеевым"*. За этой фразой и особенно за словами *"честь дружбы"* прочитывается полная внутреннего достоинства позиция: дескать, ваше право думать по-своему, я же такова, я дружбе не изменяю.

Таковую же ясную четкость проявляет автор и тогда, когда рассказывает о людях, ей неприятных. Она говорит о них (если вообще говорит, чаще они лишь угадываются между строк) очень сдержанно. Обычно в таких случаях сообщается только факт и не дается никакой оценки (ну, разве что промелькнет едва заметная усмешка).

Когда-то говорили: *"Искусство — это чуть-чуть"*. Такому трудному правилу во многом (не только в искусстве) следует Софья Станиславовна Пилявская: ее воспоминания охватывают шесть десятилетий (они заканчиваются на начале 70-х), книга населена, вероятно, сотней персонажей (и каких персонажей!), но автору хватает 280

страниц (таков объем книги), чтобы о них рассказать.

"Чуть-чуть" — часто это запомнившаяся деталь (запомнившаяся, так как глубоко пережитая).

А еще, думаю, актриса рассчитывает, что ее рассказ войдет в пространство иных воспоминаний, соприкоснется с тем, что уже знает читатель, и поэтому Софья Станиславовна верна эпиграфу, взятому из М.Булгакова: *"Что видишь, то и пиши, а что не видишь — писать не следует"*. Она надеется, что и другие будут верны такому принципу. (В скобках отмечу, что юмор Булгакова, выразившийся в некоторой неправильности построения фразы, явно близок и автору воспоминаний.)

Что же (и как) видит Софья Станиславовна Пилявская? Вот несколько примеров, взятых почти наугад.

"Смерть Елены Сергеевны (Булгаковой. — Л.К.) была для меня невосполнимой утратой. Помню, я написала письмо Нине Львовне (Дорлиак. — Л.К.) — Рихтеры были далеко, на гастролях. Святослав Теофилович, узнав о смерти Люси, как мне потом рассказывали, — замолчал надолго".

Об Ольге Леонардовне Книппер-Чеховой: *"Я никогда не слышала, чтобы Ольга Леонардовна говорила: "Мой муж", "Я жена". Всегда называла Чехова по имени и отчеству: "Когда я была с Антоном Павловичем". Эта необыкновенная артистка и человек большой культуры, ума и интеллекта не терпела пошлости и мещанства, даже очень завуалированных и внешне почти незаметных"*.

А вот такое короткое замечание: *"Ночами, когда уходил сон, Ольга Леонардовна проигрывала про себя любимые чеховские роли и говорила, что только сейчас, на закате, она поняла, как нужно было играть"*.

И еще: *"В трудное для меня время в театре Ольга Леонардовна как-то сказала: "Если бы ты не была близким мне человеком, я бы поехала в дирекцию говорить о тебе". Я очень горжусь этой фразой — раньше о близких было не принято хлопотать"*.

Снеизменным восхищением пишет Софья Станиславовна о В.И.Качалове (*"Да, мы счастливые, мы знали его"*). Например, такой абзац: *"Люк — большой белый королевский пудель, совсем еще молодой пудель, был по-ценячьи бурно темпераментным. Но вот ведь что поразительно: когда Василий Иванович медленно ходил по дорожкам сада, Люк тихононько шел рядом, останавливался Василий Иванович — и пудель садится, а когда на скамейку отдыхать садился Василий Иванович, Люк ложился у его ног "ковриком" — плашмя, как умеют только пудели. "Мой адъютант", — называл его Качалов. "Одно утешение — Люк", — последняя запись в его дневнике"*.

Кстати говоря, сколько домашних животных населяют книгу Софьи Пилявской!

В чеховском ялтинском домике-музее *"жил старый ценный пес"*. Потом *"появился молодой пудель"*. И вот во время праздничного банкета, наевшись пирожками, которыми потихоньку кормила его Софья Станиславовна, *"он продолжал просить, хватал и скрывался. (...) Оказалось, этот малыш с пирогами в зубах бежал через сад и площадку перед домом к старому псу. (...) Ждал пока старик лениво жевал. Тут же бежал за следующей порцией. Поистине в чеховском доме — чеховские собаки"*.

Этот эпизод относится к лету 53-го года. Поразительно: все-

ной и летом того года в Союзе происходили грандиозные политические события, Софья Станиславовна о них ни слова, зато рассказывает о двух псах, о том, что воспоминания достойно.

В конце того же 53-го скоропостижно скончался муж Софьи Станиславовны актер Н.И.Дорохин (это случилось дома в половине двенадцатого ночи 31 декабря). После того, как увезли покойного, Софья Станиславовна отмечает: *"Во время моего ночного сиденья наш кот Никитка все прыгал ко мне на руки. Я его сниму, а он опять"*. И о поведении жившего на даче пса Маркиза (его, брошенного и несчастного, когда-то Николай Иванович подобрал): *"Потом мне рассказали: этот пес в половине двенадцатого завыл, вбежал в дом и упал. Подумали, что он кончился, и свекор отнес его в холмные сени, где через какое-то время Маркиз стал опять выть"*.

Мне было чрезвычайно любопытно прочесть описание посещения Виктором Некрасовым вдовы М.Булгакова Елены Сергеевны. *"Был он очень небрежно одет, как-то весь распахнут, растрепан и довольно сильно "на парах". (...) Визит продолжался недолго. (...) Произнес что-то вроде "И тут скучно", стремительно ушел"*. Шокированная таким поведением, Софья Станиславовна тем не менее не забывает отметить: *"Незадолго до этого вышел его замечательный очерк о булгаковском доме в Киеве"*. ("Что видишь, то и пиши, а что не видишь — писать не следует").

И еще о том, как понимает автор свою роль мемуариста, говорит такой эпизод: рассказав, как однажды в ялтинском доме Чехова Мария Павловна и Ольга Леонардовна (сестра Чехова и его жена) стали вспоминать *"с грустным юмором"* о давних днях, Софья Станиславовна замечает: *"Почему я не записывала? А может быть, и хорошо — на мгновение приподнялась завеса над чем-то заветным, прошедшим, а больше нам, наверное, и не следовало знать"*.

Такой сдержанный тон повествования притягивает, заставляет слушать не развалившись в кресле, а сидя *"на краешке стула"*, быть признательным автору. Для Софьи Станиславовны же чувство признательности, вероятно, одно из самых ценных.

Вспоминая о том, как позаботились друзья, чтобы после кончины мужа она, кроме работы в театре, начала преподавать в Школе-студии МХАТ (*"решили помочь мне выстоять"*), актриса далее приводит длинный список своих бывших студентов и отмечает: *"Эти имена сегодня широко известны... (они) стали не только хорошими артистами, но и настоящими людьми. (...) Я знаю, если мне и сейчас, спустя столько лет, нужна будет помощь, она придет от них, моих дорогих бывших студентов"*.

В заключение книги Софья Станиславовна Пилявская пишет, что в ее рассказе *"много грустного и даже тяжелого"*, но я все-таки решил использовать в заголовке моих повенуе кратких заметок другис ее слова: *"Счастье выбранного мною пути"*. Ибо Господь одарил Софью Станиславовну художественным талантом, удивительной женской красотой и чуткой душой. И окружил ее таким количеством ярчайших личностей и друзей, что их хватило бы не на одну жизнь.

ЛЕВ КРУГЛЫЙ